

А.П. Милюков

Я.П. Бутков

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/zolot/milukov_butkov.html

В числе литераторов, с которыми мне удалось познакомиться во время сотрудничества в петербургских журналах, был между прочими Яков Петрович Бутков, автор рассказов, изданных под общим заглавием "Петербургские вершины", и нескольких повестей, напечатанных в "Отечественных записках". В сороковых годах сочинения эти пользовались успехом и вполне того заслуживали. В них видна была замечательная наблюдательность, знакомство с бытом и насущными радостями и печалями того бедного класса столичного населения, которому можно присвоить название чиновного и умственного пролетариата. Самый угол зрения автора на эту мелкую среду отличался оригинальностью, а в манере и тоне его рассказа наивное добродушие соединялось с каким-то своеобразным юмором. Одно то уже говорило в пользу самобытного дарования этого человека, что язык его легко можно было узнать по нескольким строкам рассказа. Но самая личность автора была едва ли не интереснее его сочинений.

В первый раз я встретил Буткова в редакции "Отечественных записок". Это было утром. В кабинете издателя застал я человек пять или шесть сотрудников журнала, у которых шел довольно живой разговор об итальянской опере. В стороне от других, не принимая никакого участия в суждениях и спорах, молча и как-то неловко сидел молодой человек в поношенном черном сюртуке, застегнутом доверху на порыжевшие пуговицы, в сапогах, к которым, очевидно, несколько недель не прикасалась щетка. Большая голова с резко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и под гребенку остриженными волосами с первого взгляда производила впечатление не совсем приятное, но оно скоро изглаживалось при виде кротких, умных глаз и красивого очертания рта, как будто ежеминутно готового улынуться.

Мне показалось, что этому молодому человеку было как будто неловко, оттого ли, что он не мог принять участия в разговоре или находил себя не на месте в большом кабинете посреди эластических диванов и мягких ковров. По крайней мере, заметно было, что он как-то неуклюже сидел на стуле и неловко поджимал ноги. Я спросил, кто этот господин, и мне назвали Буткова.

Некоторые обстоятельства его жизни были уже мне известны. Он был мещанин из какого-то уездного города, помнится, Саратовской губернии, не получил почти никакого образования и принадлежал к числу тех русских самородков, которые почти без всякого учения воспитывались и развивались на одном только чтении. Частью пешком, а отчасти со случайными попутчиками добрался он до Петербурга, поселился в углу на какой-то из глухих вершин и успел найти доступ в редакцию журнала, где в представленных им литературных опытах умели подметить дарование. Но скоро встретилось обстоятельство, которое могло надолго, а может быть, и навсегда, отвлечь его от литературы. Объявлен был рекрутский набор, и ему по званию и семейному положению необходимо было идти в солдаты. К счастью, его спас от этого А.А. Краевский: он купил ему рекрутскую квитанцию с тем, чтобы Бутков выплачивал за нее вычетом части гонорара за статьи, помещаемые в "Отечественных записках". При трудолюбии и особенно при той умеренной жизни, какую вел литературный пролетарий, это было бы не очень трудно, но он писал немного и, сколько я знаю, далеко не выплатил своего долга.

Мне хотелось познакомиться с Бутковым, и я заговорил с ним о последней его повести, только что напечатанной тогда в журнале, но он слушал меня потупя глаза, не то со смущением, не то с неудовольствием, и не показывал, по-видимому, ни малейшей охоты к сближению. Отвечал он мне отрывисто, сухо, даже несколько грубо, и когда я обратился к кому-то из бывших в кабинете, чудак быстро и незаметно исчез. На замечание мое о такой странности мне сказали, что это настоящий дикарь, который ни с кем не сближается и всех подозревает в гордости и презрении к нему. Может быть, он был в этом отношении и прав, потому что мне самому случалось видеть, что некоторые из пишущей братии далеко ниже его по способностям относились к нему свысока.

Но как ни тяжел был Бутков на сближение, мы, однако ж, познакомились. В ту же зиму я встретил его у М.М. Достоевского, который также участвовал в то время в журнале А.А. Краевского, а впоследствии сам был издателем и редактором журнала "Время". На этот раз Бутков как-то разговорился со мной и даже оказался словоохотливым. Но, к удивлению моему, когда через несколько дней после того мы опять встретились в редакции, он по-прежнему оставался несообщительным, сидел молча и незаметно ускользнул. И это потом повторялось не раз.